

Глава 11. Как холодно

Цянь Яо потупился, глядя на сладость у самых своих губ с робким недоумением.

Перед ним сидел великий правитель, чье величие не позволяло ему даже склониться за упавшей вещью. И всё же теперь этот человек, наделенный божественной властью, соизволил самолично кормить простого слугу.

В этом жесте крылось нечто странное, почти пугающее, но юноша понимал: права на отказ у него нет. Он медленно подался вперед и принял угощение из рук государя.

Сегодняшнее лакомство отличалось от того, что он пробовал раньше, но было столь же божественным на вкус. Проглотив последний кусочек, Цянь Яо не удержался и кончиком языка мимолетно коснулся губ, смакуя послевкусие.

— Так сильно нравится? — раздался вкрадчивый голос.

Слуга вскинул голову и наткнулся на пристальный взгляд монарха. Глаза Ци Аня казались бездонными колодцами, в которых невозможно было прочесть ни единой мысли.

Государь не спешил убирать руку. Быть может, на пальцах остались крошки, но он вдруг медленно потер большой палец об указательный, не сводя глаз с молодого человека.

Из-за огромной разницы в положении и скудного дворцового рациона Цянь Яо в последнее время вечно ходил голодным. Обычная похлебка не могла насытить его, и теперь, когда во рту растаяла настоящая еда, желудок предательски потребовал добавки. Одной сладости было мало — он отчаянно надеялся, что его угостят еще раз.

Он порывисто закивал, всем своим видом стараясь показать, насколько он в восторге от императорской щедрости.

Должно быть, его взгляд, полный искреннего чаяния, убедил монарха. Тот взял еще один кусочек и снова поднес к губам слуги.

Цянь Яо, не раздумывая, принял подношение. В этот миг между ними воцарилось странное согласие: один кормил, другой послушно принимал еду.

Лишь когда юноша одолел шестую порцию, Ци Ань, заметив, что тот насытился, перестал его кормить. Он взял шелковый платок из рук подошедшей служанки и неспешно, с особой тщательностью вытер пальцы.

Цянь Яо почувствовал, что должен как-то отблагодарить благодетеля, дабы закрепить его

расположение и в будущем снова рассчитывать на подобные милости.

Его обязанностью была подача чая, и ничего иного он предложить не мог. Поразмыслив, слуга заварил свежий настой и с поклоном протянул чашу государю.

Однако Ци Ань не прикоснулся к напитку. Он отложил платок и, глядя на юношу, негромко произнес:

— Пей ты.

Цянь Яо опешил. В этом повелении чувствовался какой-то подвох, но воля императора — закон. Он послушно сделал глоток.

Лишь когда горячая влага коснулась горла, до него дошло, в чем заключалась странность: это была императорская чаша правителя.

Юноша замер, точно пораженный громом.

Он не смел больше пить, но сам факт того, что он коснулся губами сосуда, предназначенного лишь для Сына Неба, уже свершился. Это было неслыханным святотатством.

Император, заметив его оцепенение, вдруг коротко и сухо рассмеялся.

— Странно... — проговорил он.

Голос его звучал тихо, точно он обращался не к Цянь Яо, а к самому себе.

— Порой ты кажешься мне безумно дерзким, а порой — трусливым, точно заяц. Видимо, я был о тебе слишком высокого мнения, раз твоей храбрости хватает лишь на самую малость.

Слуга не нашел, что ответить. Впрочем, монарха его оправдания не интересовали. Государь отбросил платок, поднялся и вышел из покоев, оставив его в смятении.

С того дня Ци Ань, кажется, нашел себе новую забаву — он полюбил кормить своего слугу.

Проверял ли он государственные доклады, упражнялся ли в каллиграфии или забавлялся с певчими птицами — стоило ему войти в раж, как он тут же требовал к себе Цянь Яо и угощал его сладостями. Причем юноше строго запрещалось брать еду руками — он должен был принимать ее только из ладони государя.

Цянь Яо не понимал причин этой причуды, но и не противился ей. Божественный вкус

императорских пирожных с лихвой окупал любые странности этикета.

Единственным недостатком было то, что у этого человека проснулись какие-то странные, издевательские наклонности.

Сначала он кормил его просто так, но вскоре ввел новое правило: Цянь Яо не должен был проглатывать кусочек целиком. Он заставлял его откусывать понемногу, удерживая сладость в пальцах до последнего, даже когда губы юноши оказывались в опасной близости от его кожи.

Чтобы доесть всё без остатка, слуге волей-неволей приходилось касаться его пальцев.

В тот первый раз, когда его язык нечаянно задел кожу императора, Цянь Яо отпрянул, точно ошпаренный, и рухнул на колени.

Он ждал вспышки гнева, но государь лишь бросил холодное:

— Продолжай.

Юноша поднял голову и увидел зажатый между пальцами правителя крошечный обломок печенья. Ситуация была невыносимой.

«Он просто играет со мной, — со злостью подумал юноша, — словно с комнатной собачонкой»

Но, не смея ослушаться, он снова подался вперед и кончиком языка слизнул остатки лакомства.

Должно быть, император остался доволен. Цянь Яо успел заметить в его глазах искрами едва сдерживаемого торжества.

«Мерзкий, самовлюбленный тип», — мысленно выругался он.

Впрочем, несмотря на ежедневные проклятия в адрес «собачьего императора», жизнь Цянь Яо стала куда приятнее. Сытый желудок примирял его с действительностью. Единственное, что отравляло существование — ночные дежурства.

И сегодня была как раз такая ночь.

В прежней жизни Цянь Яо был занятым полуночником. Даже если утром нужно было спешить на лекции, он с упоением просиживал до рассвета. Но здесь всё было иначе.

Пробуждения на заре, отсутствие привычных развлечений и постоянное нервное напряжение

быстро истощили его силы. За считанные месяцы он возненавидел ночную службу всей душой.

Но пути назад не было.

Сегодня Ци Ань снова засиделся допоздна. Когда Цянь Яо закончил вечернее омовение государя, он от усталости буквально рухнул на свой маленький коврик.

Слугам, дежурившим по ночам, полагалась небольшая подстилка, чтобы они могли присесть, пока хозяин спит.

О правах человека во дворце никто не слышал. Работа тянулась с утра до глубокой ночи, и стоило юноше закрыть глаза, как сон тут же начал обволакивать его разум.

Однако спать по-настоящему запрещалось. Каждые полчаса он должен был менять чай, чтобы в случае внезапного пробуждения у государя всегда был горячий напиток под рукой.

В первое дежурство Цянь Яо всю ночь клял этот идиотский обычай, но со временем привык и даже научился просыпаться точно в срок.

Прикорнув на коврике, он провалился в тяжелую дрему.

Спустя положенное время он с трудом разлепил веки. По привычке заменив чайник на свежий, он осторожно прокрался в опочивальню, чтобы проверить, не проснулся ли император.

Едва он приблизился к драконьему ложу, как из-за занавесей донеслись странные, сдавленные звуки.

Сон мгновенно слетел с Цянь Яо. Решив, что государь зовет его, он поспешно откинул тяжелый полог.

Но зрелище оказалось иным. Ци Ань не проснулся.

Он метался в забытьи, охваченный каким-то кошмаром. На фоне темного золота постели его лицо казалось пугающе бледным. Он свернулся калачиком, и его тонкие губы беспрестанно шевелились, источая бессвязное бормотание.

Юноша решил, что тот бредит, и склонился к самому его лицу. Лишь спустя мгновение он смог разобрать едва слышный шепот:

— Холодно...

«Холодно? — Цянь Яо был сбит с толку. — Как это возможно?»

Зима еще не наступила, но в покоях вовсю жарко пылали угли — лучший сорт, который не гас ни на миг. Воздух в спальне был напоен весенним теплом.

Сам он, сидя на полу без всякого одеяла, ничуть не мерз. Как же император под толстым покровом мог испытывать стужу?

Но вид государя не оставлял сомнений — он не притворялся. Неужели болезнь?

Должен ли он позвать главного евнуха-управляющего и вызвать лекарей?

Цянь Яо засомневался. Если всё в порядке, а он зря потревожит покой «собачьего императора», тот в гневе может и голову снести.

Он решил проверить самое очевидное: осторожно коснулся лба монарха рукой, проверяя, нет ли жара.

Но кожа была прохладной. Всё казалось обычным, если не считать того, что температура тела государя была неестественно низкой — он был холодным, точно лед.

«Как можно так замерзнуть под таким толстым одеялом?» — он терялся в догадках.

Поколебавшись, он решил пока не поднимать шум. Он был всего лишь маленьким евнухом, и лишние хлопоты ему были ни к чему.

Подоткнув края одеяла, юноша уже собрался вернуться к своему коврику.

Но едва он поправил постель, как рука императора выскользнула наружу. Цянь Яо потянулся было, чтобы убрать ее обратно.

Однако, едва его пальцы коснулись кисти государя, он вздрогнул от неожиданности. Кожа правителя была ледяной — Цянь Яо на миг показалось, что он коснулся куска льда.

Этот холод снова заставил его засомневаться: стоит ли звать помощь?

Пока он пребывал в нерешительности, внезапная волна холода заставила его вздрогнуть.

Цянь Яо опустил взгляд и увидел, что Ци Ань, который до этого крепко спал, в какой-то момент открыл глаза и пристально смотрит на него.

Сердце юноши пропустило удар. Он хотел было отстраниться и принести извинения за дерзость...

Но, попытавшись двинуться, осознал нечто ужасающее: он всё еще крепко сжимал ледяную ладонь императора в своей руке.

<http://bllate.org/book/15347/1415986>